

**«МИР – ДОМ – Я»: ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО
ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА
В ПОВЕСТИ В.Г. РАСПУТИНА «ПОЖАР»**

Калинина И. П.¹

кандидат филологических наук,
учитель русского языка и литературы ТОГАОУ «Мичуринский лицей»,
г. Мичуринск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается образ дома как один из ключевых в творчестве В.Г. Распутина. Через призму духовно-бытийного наполнения этого образа определяется жизненная позиция главного героя повести «Пожар», характеризуются его взаимоотношения с окружающим миром. Утрата ощущения дома связывается с потерей жизненной основы, определяется как преддверие художественной экспликации современного Апокалипсиса.

Ключевые слова: «деревенская проза», распутиноведение, образ дома, тема семьи, национальное жизнеустройство.

---

¹ Калинина И.П. irina366281@rambler.ru

Образ дома является одним из центральных, ключевых в творчестве В.Г. Распутина. При этом понятие «дома» у Распутина в наименьшей степени вбирает в себя «вещественное» значение, одновременно ассоциируясь с, казалось бы, самыми обыденными предметами интерьера, домашнего убранства. Так в повести «Прощание с Матёрой» старуха Настасья, переселяющаяся в город, стыдясь, как оголилась их изба после сбора вещей, кладёт обратно коврик со словами: «Тебе ли, родненький, в город ехать, жизнь менять? Оставайся, где лежал, *дома* оставайся» [1, с. 256].

Не воспринимает в качестве дома свою благоустроенную квартиру в новом посёлке и Павел, а потому, не чувствуя необходимой опоры в жизни, ощущает свою незащищённость и потерянность: «Непривычно, неудобно, чувствуешь себя квартирантом, да оно квартирант и есть, потому что дом не твой и хозяином-барином себя в нём не поведёшь <...> и себя чувствуешь как-то не во весь свой рост, без твёрдости и надёжности, будто любому дурному ветру ничего не стоит подхватить тебя и сорвать, – ищи потом, где ты есть; какая-то противная неуверенность исподтишка точит и точит: ты это или не ты? А если ты, как ты здесь оказался?» [1, с. 276 – 277].

Не может, по Распутину, называться домом нежилое, лишённое человеческого тепла «строение». Так в рассказе «Изба» (1999) оставшаяся после смерти хозяйки изба – пустующая, стоящая сама по себе, – становится антитезой духовно-бытийному наполнению образа дома и служит знаком «других времен», запустения: «лес брать становилось все труднее, везли его издалека, заработки упали <...> И стала год от года ужиматься в посёлке жизнь: меньше давала тайга, безрыбней становилась распухшая, замерзшая в бестечье Ангара, все реже стучали топоры на новостройках. А потом и вовсе ахнула оземь взятая ненадёжно жизнь и покалечилась так, как никогда еще не бывало» [1, с. 678].

О том, что такое дом в жизни человека, рассуждает главный герой повести «Пожар» и приходит к вполне предсказуемому выводу. «Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома. Вот: дома.

Поперед всего – дома, а не на постое, в себе, в своём собственном внутреннем хозяйстве, где все имеет определённое, издавна заведенное место и службу. Затем дома – в избе, на квартире, откуда с одной стороны уходишь на работу и с другой – в себя. И дома – на родной земле» [1, с. 448]. Таким образом, пространство дома у Распутина представляет собой своеобразную формулу: «мир – дом – я», сущность которой заключается во взаимозависимости компонентов. Универсальность формулы позволяет определять жизненную позицию героя, его взаимоотношения с окружающим миром. Восприятие мира личностью, формирование устойчивых отношений и связей, как семейных, так и социальных, отчётливо просматривается в произведении через образ дома.

Заметим, что образ дома в повести Распутина созвучен образу дома в поэме А. Твардовского «Дом у дороги». Дом у Твардовского – это не столько физически «организованное» пространство. Данный образ у поэта наполняется, прежде всего, бытийным и духовным содержанием. Дом – это семья, отдушина для человека, залог его полной и гармоничной жизни. Ощущение дома делает человека уверенным в завтрашнем дне (пусть он сейчас и вдали от дома), отсутствие же дома делает человека безродным, лишает корней, превращает в горемыку-скитальца. Примечательно, что значительная роль в сохранении «дома» как источника духовной жизни и силы человека принадлежит у Твардовского женщине:

Тот дом без крыши, без угла,
Согретый по-жилому,
Твоя хозяйка берегла
За тыщи вёрст от дому [2, с. 231].

Но дом у Твардовского оказывается едва не разрушенным войной. При этом речь идет не о сожжённой избе солдата, которую тот по возвращении с фронта без труда отстраивает заново, а о неизвестной, но угадываемой судьбе его семьи, уведённой фашистами в плен. Неслучайно новое жилище не зовется у Твардовского домом, без жены и детей оно просто «хата»:

И все спешил покончить в срок,
Как будто в хате новой
Скорей солдат увидеть мог
Семью живой – здоровой [2, с. 274].

В целом, о губительном влиянии войны на семейную жизнь русского народа и его традиций говорит тот факт, что только в 1950-е годы, когда подросло поколение людей, родившихся до войны, в 1930-е годы, «не только участились браки на селе по сравнению с военным периодом, но и последовал возврат к народному свадебному обряду» [3, с. 438].

Подобно героям Твардовского, Иван Петрович и Алёна сумели сохранить свой дом и после «мирного», характерного для Сибири, да и всей послевоенной России, катаклизма – переезда в новый посёлок. Идея «преемственности» дома из Егоровки звучит не только в том духе оптимизма, с которым был воспринят переезд Иваном Петровичем – «там было хорошо, а здесь с годами должно быть лучше» [1, с. 412], но и в том факте, что они не строили избу заново, а перевозили и ставили на новом месте *свою*. Своеобразным знаком целостности дома Егоровых служит образ тёлочки в их домашнем хозяйстве. Молодая корова является не только имплицитным символом материнского начала, но и подобно Святке в романе С. Залыгина «Комиссия» – залогом жизни всего «крестьянского рода-племени»: «Крестьянин – всему свету кормилец, но корова – первая кормилица ещё и самому крестьянину, детишкам его, внукам его, всему продолжению крестьянского рода-племени» [4, с. 203].

Свидетельством «сохранности» дома Егоровых служит и тот факт, что дом становится для Ивана Петровича своего рода заградительной стеной против жизни распавшейся – «как у всех». Ю.М. Лотман, исследуя творчество Пушкина, охарактеризовал Дом как «своё, родное и, вместе с тем, закрытое, защищённое пространство, пространство частной жизни, в котором осуществляется идеал независимости... Но это и место, где человек живет подлинной жизнью, здесь накапливается опыт национальной культуры, здесь

<...> вершится подлинная, а не мнимая, внутренняя, а не внешняя жизнь народа. Это пространство – мир человеческой личности, мир, противостоящий и вторжению стихий, и всему, что рассматривает жизнь отдельного человека как недостойную внимания частность... Но это и центр, и средоточие мирового порядка» [5, с. 140]. В этой связи мысль Ивана Петровича (в то время как он торопится на пожар!) о том, «что надо бы закрыть избу» [1, с. 400], выглядит как попытка защитить свой дом – «свою» среду, личный мир, – от мира, ставшего «чужим», лежащего вне его стен.

Традиционно обладая свойством открытости (своеобразный символ – запирающиеся лишь «посошком» двери крестьянского дома), дом изначально органично соединялся с родным, а потому обладающим охранительными функциями пространством. Об оберегающем начале родной земли и рассуждал вернувшийся из армии в родную Егоровку Иван Петрович: «Родина-то родина, что и говорить, тут каждый камень ещё до твоего рождения предчувствовал и ждал тебя, и тут каждая травка по новой весне несёт тебе что-то в остережение или поддержку от былых времён, тут везде и во всём за тобой тихий родовой догляд» [1, с. 411]. Подобные мифологические очертания в образе дома восходят к представлениям древних славян, по которым умершие родные как бы продолжают свое существование «в другой, более богатой деревне». «Умирая, предки не покидали потомков совершенно, не разрывали с ними связей окончательно; они только сбрасывали с себя телесные формы, сопричитались к стихийным духам и как гении-хранители продолжали незримо следить за своими потомками, блюсти их выгоды и помогать им в житейских невзгодах» [6, с. 41].

О традиционной открытости русского дома свидетельствовала и созидательная тенденция в освоении «придомовой» территории, стремление к организации окружающего пространства в гармоничном соответствии со своим внутренним духовным миром. Так «пышно, богато было на матёринской земле – в лесах, полях, на берегах, буйной зеленью горел

остров, полной статью катилась Ангара. Жить бы да жить в эту пору, поправлять окрест гляючи, душу...» [1, с. 258]. Но поэтические картины пейзажа Матёры, судьба которой уже предreshена (повесть «Прощание с Матёрой»), антиномичны описанию посёлка, в который предстоит переселиться жителям затопляемого острова – просторно и голо на улицах посёлка, «ни единого палисадничка, ни деревца», а если и высаживается здесь черёмуха или берёзка, то за забором – за забором и устраивается новая жизнь. Мотив отчуждения от «навязываемого» места жительства звучит и в описаниях бивуачного поселка в «Пожаре»: «Голо, вызывающе открыто, слепо и стыло стоял посёлок: редко в каком палисаднике теплила душу и глаз берёзка или рябинка. Те же самые люди, которые в своих старых деревнях, откуда они сюда съехались, и жизни не могли себе представить без зелени под окнами, здесь и палисадники не выставляли» [1, с. 405].

С образом дома и осмыслением «придомового» пространства в творчестве Распутина связывается важнейшая бинарная оппозиция «город-деревня», противостоящие друг другу как два полюса бытия и социального сознания. И в «Пожаре», и в «Дочери Ивана, матери Ивана» образ деревни и родового дома присутствует уже лишь в возвышенно-ностальгических воспоминаниях персонажей. В повести «Пожар» на смену ушедшим под воду деревенским домам приходят поселковые дома и избы, которые, неся на себе печать временности, непостоянства, боязливо вжимаются в землю на фоне зарева пожара [1, с. 404]. В «Дочери Ивана, матери Ивана», отражая градацию развития общества и семейных отношений, помимо «вызверяющих граждан городских удобств», которые пришлось «вкусить» Ивану Петровичу в гостях у дочери, появляются и другие «городские артефакты»: «передовые хазы», общежития для *малосемейных*, подвал как место жительства.

Распутин, обращаясь к душевным переживаниям Ивана Петровича, вынужден сужать пространство «дома» до нуля, превращая его из категории пространственной, материальной в категорию метафизическую, в некую

субстанцию человеческого сознания. Это значение «дома» эквивалентно, по Распутину, понятию «в себе, в своем собственном внутреннем хозяйстве» [1, с. 448]. С первых строк повести читатель ощущает трудность жизненной ситуации главного героя – впервые привычная дорога от гаража до дома, которую он не замечал двадцать лет, «представилась ему во всей своей дотошной вытянутости, где каждый метр требовал шага и для каждого шага требовалось усилие» [1, с. 397].

На первый взгляд, тяжёлые переживания Ивана Петровича связываются с закономерной, но тяжело воспринимаемой сменой очередных этапов в его жизни – он выходит на заслуженный отдых. Как бы и отсюда его потерянности – «ещё вчера что-то оставалось наперёд, сегодня кончилось» [1, с. 397]. Ощущая этот «выход» как «списанность», дальнейшую ненужность и не востребованность, Иван Петрович убеждает себя, что на лежанке в прихожей возле большого тёплого бока русской печи «теперь и есть его место» [1, с. 398]. Март – месяц выхода на пенсию начинает ассоциироваться у него со словом смерть.

Однако неслучайно тягостной оказывается дорога именно домой. Она становится символом возвращения не просто в избу, «на квартиру». Дорога домой символизирует возвращение героя к самому себе, к обретению душевного лада. Тягостность этого пути свидетельствует о трудностях или невозможности этого «возвращения».

«В себе» Иван Петрович ощущает «страшное разорение». Этот «беспорядок внутри себя», «раздор с собой» объясняется им внутренним поиском компромисса с окружающей действительностью вопреки всем законам совести и правды. Его душа, словно повинувшись библейским заветам, хлопчет о примирении и потому, в восприятии Ивана Петровича, «ищет правду и совесть там, где они не ночевали», а значит, считает он, «и правда не правда и совесть не совесть, а только ищущая и страдающая душа» [1, с. 428].

Подобное противоречие между душой и разумом, не терпящим у Ивана Петровича половинчатости, приводит к утрате чувства внутренней упорядоченности, гармонии и, как результат, утрате ощущения «дома». «Нигде не получалось у него быть дома. На земле – что не затоплено, то опорожнено лесозаготовками, и ни заботы этой земле, ни привета. В себе полный тарарам, как на разбитом и переворошённом возу. А коль нет приюта ни там, ни там, не будет его, как ни старайся, и посередине» [1, с. 448]. Подобная утрата ощущения дома, в восприятии Распутина, символизируя потерю устойчивости и жизненной основы, предваряет собой художественную экспликацию современного Апокалипсиса.

Неслучайно с утратой ощущения «срединного» дома, ассоциирующегося с избой, квартирой и неизменно соотносимого с образом Алёны, связывается и рождающееся у Ивана Петровича чувство неведомой до сей поры дистанции, разобщённости между ним и Алёной. «Почему-то показалось, что между ним и его женой сейчас огромная даль. Рядом, а далеко. Потому что расстояние это меряется другими, неизвестными шагами, которыми он ещё не ходил» [1, с. 430]. Этим вызвана и определенная апатия к внимательному и заботливому отношению жены. Так Иван Петрович «страдает» от того, что «придётся подниматься на ужин <...> А так не хотелось подниматься! Ничего не хотелось. Как в могиле» [1, с. 398].

Таким образом, тема семьи и супружеских отношений подспудно включается и в социально-политический контекст. Неслучайно в статье 2006 года «Написать бы вещь светлую...» В. Распутин отметит: «Как ни велика роль женщины и роль семьи – в одиночку им, без поддержки государства, против "девятого вала" несправедливостей, нравственной глухоты, разнузданности, не выгрести» [7, с. 6].

Тема социально-политической обусловленности распада семьи уже более определенно звучит, в частности, в рассказе «Новая профессия» (1998), где развод главного героя по имени Алёша пришёлся именно на ту пору, «когда делилось и разрушалось все – государство, земля, вера, история,

законы и взгляды. Оказывалось, таким образом, что и семья их попадала под те же общие развалы, свалившие полмира, и можно не искать виноватых внутри семьи. Да и что толку искать? Все рушилось и разбегалось, все» [1, с. 627]. Жизнь отдельно взятой семьи рассматривается Распутиным, таким образом, как почти точное отражение общей тенденции развития общества.

В России традиционно крестьянский двор, дом, в целом институт семьи находились под покровительством общины и церкви. Так, «только женатые люди могли быть правомочными на сельских сходах, имели возможность получить в надел землю, завести самостоятельное хозяйство, для нормального существования которого необходимы были и мужские, и женские руки при традиционном половозрастном разделении труда в семье и обществе» [3, с. 419]. Тем, что брак для крестьян был не только залогом благосостояния, самостоятельности и веса в обществе (общине), но и моральным долгом, объясняется высокий уровень брачности в русской деревне в XVIII – начале XX вв. [3, с. 419].

С развитием новых, капиталистических отношений и при участии отдельных членов семьи в капиталистическом производстве (отходничество) постепенно происходит ослабление семейных связей. В частности, речь идет о распаде так называемой большой семьи, по причине «трудности поднятия земель» в свое время получившей широкое распространение, в частности, в Сибири [3, с. 424]. Но аналогичные процессы протекали не только при капиталистической, но и при социалистической индустриализации Сибири, пришедшейся на XX столетие. Распад, «уход» деревни, традиционных социальных отношений и семьи, в частности, протекал, безусловно, болезненно.

В «Пожаре» речь идет не столько о распаде большой семьи, сколько о разрушении межпоколенных связей с родственниками. Такие связи в деревне никогда не прерывались. «Они являлись каждодневными и разносторонними <...> Двусторонними бывали связи у родителей и отдельно

живущих детей. Дети помогали родителям во всех хозяйственных работах, родители и другие старшие родственники воспитывали детей» [3, с. 430].

Несмотря на то, что печальных знаков разрушения семьи Егоровых как будто не обнаруживается, заметим, что состоит эта семья, по сути, только из Ивана Петровича и его жены. Не вдаваясь в подробности причинно-следственной связи, про его семью, как и про семью деда Егора и старухи Настасьи (повесть «Прощание с Матёрой»), можно сказать: «Сидели вдвоём – вся семья» [1, с. 257]. Передача нравственных представлений, традиционная материнская функция выполнена Алёной безукоризненно. Однако их выросшие дети не только «все до единого ушли из родного дома» [1, с. 433], но и уехали из посёлка. Да и семью их трудно назвать многодетной – детей «и всех-то – две дочери и сын» [1, с. 433]. При этом немаловажным выглядит тот факт, что семья Егоровых едва ли не единственная в повести.

Литература

1. Распутин В.Г. Живи и помни: повести и рассказы. – М.: Эксмо, 2004. – 704 с.
2. Твардовский А.Т. Избранные произведения: в 3 т. / сост. и подгот. текста М. Твардовской; примеч. А. Туркова. – М.: Худ. Лит., 1990. – Т. 2. Поэмы. – 463 с.
3. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 1999. – 828 с.
4. Залыгин С.П. Комиссия: роман. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 446 с.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки рус. культуры, 1996. – XIV, 447 с.
6. Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян: в 3 т. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastika, 2002. – Т. 2. – 762 с.
7. Распутин В. Написать бы вещь светлую... // Труд. – 2006. – 11 янв. – С. 6.

**«WORD – HOME- ME»: THE FOUNDATION OF NATIONAL LIVING
ARRANGEMENT
IN V.G. RASPUTIN NOVEL «FIRE»**

Kalinina I. P.,
PhD, Russian and Literature teacher
TOGAOU «Michurinsk Lyceum»,
Michurinsk, Russia

Annotation: In the article there considered an image of the home as one of the key ones in V.G. Rasputin's work creation. The principal life position of the main character of the novel «Fire», his relationships with outward things are defined through the prism of spiritual and household filling of the mode of life. The loss of sensation of home is connected with the loss of the living basis, defining it as a threshold of artistic explication of the modern Apocalypse.

Key words: «country prose», rasputinovedenye, image of the home, family theme, national living arrangement.